

Этой ночью темные тучи заволокли луну, и звезды спрятали свои следы.

В непроглядной ночной тьме все живое начало погружаться в сон, и роскошная горная вилла, столь оживленная днем, постепенно притихла, а яркие огни медленно погасли.

Внезапно вспыхнул огромный поток серебристо-белого сияния, окутавший всю усадьбу и мгновенно осветивший ее так ярко, будто наступил день.

Время словно замерло.

Все обитатели виллы в растерянности подняли головы и застыли, глядя на внезапно возникшую над головой реку.

Мириады звезд замерли на ночном небосводе, разогнав густые тучи и обнажив чистую, глубокую и безмятежную вышину.

Ослепительная девятинебесная река неторопливо раскинулась прямо над всей усадьбой.

Приглядевшись, можно было заметить, что это бесчисленные сияющие жемчужины кружатся и порхают в небе, образовав эту необъятную звездную реку.

Мерцающее созвездиями течение плавно струилось по вилре, то и дело скользя рядом с застывшими людьми. Стоило протянуть руку — и можно было поймать эти мелкие крупички света, словно прогуливаясь по звездному морю, где сами небесные светила находились на расстоянии вытянутой руки.

В самом центре этой бескрайней реки, окруженная со всех сторон, красовалась огромная луна — чистая, яркая, круглая, словно нефритовый диск. Вблизи это зрелище поражало воображение.

При таком лунном свете юноша в белых одеждах, с трепещущими на ветру полами халата, казался сошедшим с самой луны.

Его прекрасное лицо озарял мягкий лунный свет, и он был столь хорош собой, что не казался смертным.

На его нефритовом лице играла кроткая улыбка, а черные глаза, переполненные звездным сиянием, излучали пьянящую нежность.

Он с трепетом смотрел вперед, медленно протягивая руку к стоявшему перед ним человеку.

Слегка приоткрыв бледные губы, он произнес мягкие слова:

— Чуйсюэ, я дарю тебе эти звезды и луну. Отныне, глядя на этот месяц, ты будешь вспоминать обо мне.

Простейшие слова любви в этой обстановке прозвучали как самое глубокое и искреннее признание.

От этого зрелища у всех перехватило дыхание.

Над головой юноши сияла луна, его плечи укрывало звездное небо, а сам он казался призрачным и эфемерным, до нереальности сказочным. Казалось, он перенес всех за пределы девяти небес, на берег Небесной реки, чтобы вместе стать свидетелями этой прекрасной любви.

Под этим романтичным лунным светом вторым главным действующим лицом был облаченный в ослепительно-белые одежды мужчина.

Белоснежные одежды, нефритовое лицо, давящая аура — от него исходило столь же ослепительное сияние, на которое, однако, никто не осмеливался смотреть прямо.

Подобно своему имени, он был бел как снег, холоден как лед и источал пронизывающий мороз.

Симень Чуйсюэ — человек под стать своему имени, от одного взгляда на которого веяло леденящим душу холодом.

Он стоял с бесстрастным лицом под лунным светом, среди звездной реки.

В его черных как смоль глазах не отражалось ни единой искорки окружавшего великолепия — лишь безбрежное ночное небо, холодное и глубокое, лишенное всякого света.

Он с ледяным презрением взирал на происходящее, и в его глазах не было ни единой эмоции.

Лишь когда юноша умолк, он слегка опустил взгляд.

Протянутая рука была бела как нефрит, тонка как бамбук, с отчетливыми суставами — невероятно красива.

Однако Симень Чуйсюэ лишь бегло скользнул по ней взглядом, после чего холодно поднял голову и уставился на Данчи — холодно и неотрывно.

Затем, под его полным надежды взглядом, он с бесстрастным выражением лица протянул руку и вытащил из ножен висевший на поясе меч в черной обтяжке.

Клинок обнажался дюйм за дюймом, и от ослепительного сияния стали вмиг заболели глаза.

В ледящем лезвии отражался струящийся свет; мягкое лунное сияние, падая на снежный клинок, тоже становилось пронзительно-холодным, полностью теряя остатки тепла, так что в конце концов уже нельзя было понять, что замерзло сильнее — сталь или человек.

Все вокруг лишь оцепенело следили за происходящим.

Пока меч не был полностью извлечен и взметнут в воздух.

Сверкнул холодный свет, ци меча взвилась подобно радуге, устремляясь прямо в небеса.

Белая радуга пронзила луну, и в тот миг вспышка была настолько ослепительной, что затмила звезды, заставив меркнуть весь небосвод.

Люди зажмурились от режущего глаза блеска.

А когда открыли их снова, вокруг вдруг потемнело: от полной луны в небе осталась лишь половина, ровно разделенная пополам, словно обломок нефритового жетона, висящий на краю небес.

Обрезанная ущербная луна вдруг принялась стремительно сжиматься, уменьшаясь в размерах, пока не превратилась в нечто размером с половину кулака.

На руке потяжелело. Данчи ошеломленно опустил голову, в его глазах читались растерянность и недоумение.

На его ладони спокойно лежала половинка белого камня.

Внутри камня переливался лунный свет, источая слабое, мягкое сияние.

Жемчужина, Притягивающая Луну — сияющая, подобно луне, и твердая, как железо, — была порождена самой эссенцией лунного света. При активации духовной ци она могла воплотиться в настоящую луну, неотличимую от подлинной. На Континенте Тяньсюань она преимущественно использовалась для помощи в алхимии и являлась редчайшим сокровищем, за которым гонялись все мастера пилюль.

Процесс формирования каждой Жемчужины, Притягивающей Луну, был невероятно сложен:

они зарождались лишь в полярных областях, вечно омываемых лунным сиянием, и раз в тысячелетие впитывали лунную эссенцию, вырастая до размеров ладони. После этого они продолжали впитывать свет луны, и еще через тысячу лет увеличивались вдвое, а их полезные свойства удваивались.

Если бросить такую жемчужину в котел во время варки пилюль, она могла раскрыть всю лекарственную силу заброшенных в котел травок, а также сбалансировать свойства конфликтующих ингредиентов, обеспечивая успешное создание пилюль, благодаря чему мастера пилюль ценили ее на вес золота.

Теперь же лунная жемчужина размером с кулак раскололась надвое, а ее сияние полностью угасло, превратившись в обычный белый камень, лежавший на его ладони.

Данчи растерянно моргнул, и лишь спустя долгое время пришел в себя.

Глядя на камень в руке, он резко изменился в лице: уголки его рта поползли вниз, и он помимо воли обиженно надул губы.

От юноши исходила сплошная аура уныния, а его прежний таинственный и возвышенный образ испарился без следа.

Данчи сжал кулак, обиженно поджав губы: неужели ему даже это не понравилось?!

Он поднял взгляд на стоявшего перед ним человека, и его черные блестящие глаза наполнились таким глубоким разочарованием, что вид у него был донельзя жалостливый, вызывающий невольную жалость.

Однако Симень Чуйсюэ лишь холодно вернул меч в ножны, бросил на него еще более ледяной взгляд и так же холодно отвернулся, не выказав ни малейшего колебания.

Похоже, и впрямь не понравилось.

Данчи разочарованно стер с лица прежнее выражение и, глядя в спину своему партнеру по даосскому пути, помрачнел.

Он задрал голову к небу: огромная луна исчезла, и на небосводе продолжали бесцельно кружить лишь светила с мягким светом.

В сердце тут же вскипела обида: раз даже луны не осталось, к чему теперь эти звезды?

Если Чуйсюэ даже духовное сокровище не по вкусу, с чего бы ему польститься на эти пустяки?

Прикусив губу и с досадой глядя на собственную ладонь, он вдруг со злости швырнул вещь вверх.

Белый свет полоснул по воздуху, обе полулунные каменные глыбы соединились, и в тот же миг вновь вспыхнуло ослепительное сияние.

Но на сей раз вслед за вспышкой света звезды и луна раскололись, Небесная река рухнула, и крошечные осколки звездного сияния посыпались с небес.

Белый порошок оседал на крышах, дорожках и деревьях виллы, в мгновение ока покрывая всю усадьбу слоем инея и делая ночной пейзаж еще более пустынным и холодным.

Лишь теперь обитатели виллы окончательно пришли в себя. Подняв головы и ощущая падающую на лица пыль, они невольно дергали уголками ртов, со смешанными чувствами глядя на все еще сердито дувшегося юношу.

Подувшись еще немного, Данчи снова уставился на своего партнера по даосскому пути, и его взгляд вновь засиял ярким блеском.

Глядя на спину впереди, он мысленно подбодрил себя: раз это не понравилось — ничего страшного, он может подготовить что-нибудь другое, он обязательно отыщет то, что придется по душе его избраннику.

К тому же техника владения мечом у его партнера стала еще совершеннее, так что впереди у них целая вечность! Рано или поздно он растопит его сердце.

Успокоив себя, Данчи посмотрел на партнера еще более пылким взглядом.

Словно почувствовав этот жгучий взгляд, шедший впереди человек внезапно обернулся.

Увидев это, Данчи мгновенно встрепенулся и принялся с надеждой смотреть на него.

Взгляд Симень Чуйсюэ прорезал падающие хлопья порошка.

Он долго и бесстрастно смотрел на Данчи, после чего, под его все сильнее разгорающимся вкладом, вдруг перевел взгляд ему на грудь и холодно спросил:

— Твоя рана уже зажила?

Данчи мгновенно застыл. Его боковой взгляд скользнул вниз на грудь, а глаза забегали.

Еще сутки назад там зияла сплошная кровавая мешанина, почерневшая от яда, и стоило ему хоть чуть-чуть шевельнуться, как он морщился и вопил во всю славу. Теперь же под одеждой кожа была гладкой и нежной — двигайся как хочешь, балуйся как вздумается.

Он поморгал, пытаясь отделаться от ответа:

— Ну... вроде зажила? — с чувством вины он шевельнув рукой, которую только что размахивал, пытаясь спрятать ее за спину.

Ледяной взгляд тут же пригвоздил конечность на месте.

Данчи мгновенно обмяк и боялся пошевелиться.

Зрачки Симень Чуйсюэ скользнули в сторону, окинув кружащую вокруг порошу, и его лишенный тепла взгляд вновь вернулся к нему.

Данчи тоже глянул на продолжающие падать улики, несколько мгновений пробыл в оцепенении, а затем, выдержав становившийся все более морозным взгляд напротив, наконец с неохотой сдался.

— Зажила, — кивнул он.

Стоило ему произнести это, как воздух вокруг мгновенно остыл, а аура Симень Чуйсюэ упала до нулевой отметки.

Он холодно уставился на Данчи.

Данчи скривил губы, пытаясь исправить положение, и сухо пояснил:

— У меня просто крепкое тело, прекрасная база...

Взгляд Симень Чуйсюэ стал еще леденее.

Речь Данчи споткнулась, глаза забегали, и ему пришлось выдать еще порцию оправданий:

— На моей одежде есть защита, она смягчила удар, рана не такая уж тяжелая.

Симень Чуйсюэ продолжал смотреть на него все тем же холодным взглядом.

Данчи стиснул зубы:

— Я занимаюсь культивацией, мое тело восстанавливается быстро.

Симень Чуйсюэ все так же холодно глядел на него.

Лицо Данчи окончательно скисло, он отчаялся, закрыл глаза и честно во всем признался:

— Ладно, признаю. Эти заурядные штуковины вообще не могли меня ранить, я сделал это специально.

Он просто хотел узнать, какое место занимает в сердце своего партнера — ведь говорят же, что познания о настоящих чувствах приходят в беде! Когда вокруг нет ничего, способного тебе угрожать, это тоже приводит в отчаяние. Ради того чтобы нанести себе рану, он приложил немало усилий.

В лишенных тепла глазах на мгновение мелькнуло нечто похожее на рябь, но если всмотреться — Симень Чуйсюэ по-прежнему оставался бесстрастным.

Выпалив это, Данчи не смел взглянуть на партнера и, зажмурившись, стал ждать расплаты. Прождав добрую половину дня и не дождавшись от того никаких действий, он осторожно приоткрыл глаза.

Такие же черные, как и прежде, зрачки смотрели на него, и никаких эмоций в них прочитать было нельзя.

Убедившись, что он открыл глаза, Симень Чуйсюэ вдруг легко кивнул и, не давая тому вставить и слова, холодно произнес:

— Раз так, то уходи.

Его тон был легким, но для Данчи это прозвучало как удар молнии, и он в неверии вытаращил глаза.

Он во все глаза уставился на партнера, думая, что ослышался.

Однако Симень Чуйсюэ, сказав это, больше на него не смотрел, а повернулся в другую сторону и окликнул:

— Управляющий Фу.

Ожидавший неподалеку старик торопливо убрал руки, которыми ловил падающие частицы, подбежал и склонился в поклоне:

— Глава виллы.

Симень Чуйсюэ бесстрастно посмотрел на него.

На лбу управляющего Фу тут же выступил холодный пот.

Симень Чуйсюэ отвел взгляд и холодно отдал приказ:

— Проводи гостя.

Управляющий Фу утер пот и торопливо отозвался:

— Слушаюсь, глава виллы.

— Чуйсюэ, — жалобно позвал стоявший рядом Данчи с несчастным лицом.

Симень Чуйсюэ бесстрастно скользнул по нему взглядом и холодно развернулся, чтобы уйти.

Данчи: [...] — хоть плачь.

Забыв обо всякой гордости, он поспешно протянул руки, пытаясь удержать его:

— Чуйсюэ, я не со зла, не выгоняй меня! — его голос звучал так, будто он горько раскаивался.

Он ведь просто хотел почувствовать заботу партнера, почему все так обернулось!

Он же с таким трудом сюда пробрался!

— Чуйсюэ, я виноват! — жалобно завопил он вслед.

Но удаляющаяся фигура даже не обернулась. Спина была холодной и непреклонной, и лишь ледяной голос донесся откуда-то извне, повторяя приказ управляющему:

— Выпроводи его.

Управляющий Фу почтительно поклонился, с улыбкой повернулся к Данчи и протянул руку:

— Прошу вас.

Данчи: Я никуда не пойду QAQ.

Автор пишет:

Короткая сценка.

История исцеления.

Данчи, пользуясь тем, что он отравлен и пронзен мечом, жалобно капризничает и притворяется слабым:

— Чуйсюэ, я что, умру?

— Чуйсюэ, мне больно, подуй на рану.

— Чуйсюэ, побудь со мной, я не могу уснуть.

— ...

Устраивает каверзы.

Когда все вскрывается:

Симень Чуйсюэ источает леденящий холод:

— Управляющий, вышвырните его вон.

Данчи поспешно признает вину:

— Чуйсюэ, я неправ! QAQ

Симень Чуйсюэ:

— Не уйдешь — выбью силой.

Данчи: Почему все так закончилось QAQ

<http://bllate.org/book/22050/2292943>